

Д-р. ГРИГОРИЙ ПОТАШЕНКО

Вильнюсский университет

М. МУРАВЬЕВ, „ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС“
И СТАРООБРЯДЦЫ ЛИТВЫ: ЗИГЗАГИ
КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В 1863–1865 гг.

Введение. В контексте известной фигуры графа Михаила Муравьева, неразрешимого и даже загадочного «польского вопроса» в Российской империи и Восточной и Центральной Европы в целом проблема старообрядчества является несколько экзотичной. Если понятия наших дней можно было бы применить к прошлому, то старообрядцы могли бы нам кое-что рассказать о своем исключительном бытии, неограниченном границами и конкретными местами, а может и вообще о меньшинствах Восточной и Центральной Европы. История старообрядчества была склонна не замечать политических границ и разделений в этой части Европы. В течение двух столетий территория их распространения в России, Речи Посполитой и в меньшей мере в Габсбургской монархии и Пруссии составляла «старообрядческий мир», вначале плотный и широкий, но потом постепенно редющий и суживающийся; в некоторых регионах старообрядческим поселениям была присуща островная компактность. Однако старообрядцы повсюду были мобильной религиозно-этнической группой-меньшинством (среди старообрядцев было и немало нерусских: карелы, коми и пр.) и нигде – государственной или господствующей религией. Развитие старообрядчества как религиозного общества (вернее – обществ) было совершенно свободным и зависело лишь от внешних, исторических изменений и от внутренней богословской полемики, невзирая на привычные соборные постановления или насилие государственных указов.

В России старообрядцы были и оставались до 1905 г. преследуемым меньшинством, хотя в некоторые периоды (во время правления Екатерины II и Александра I) отношение к ним отличалось терпимостью; но и тогда старообрядцы не могли добиться равных прав. Лишь на своей

«второй родине», в Речи Посполитой или Габсбургской монархии, старообрядцы – поповцы, федосеевцы и пр. – создали свои церковные организации и стали составной частью этих многонациональных обществ. Наибольшее влияние они оказали на великорусских эмигрантов и этим способствовали появлению новых форм православия и восточно-славянской культуры, в следствие которых на бывших землях Речи Посполитой в XVIII–XX вв. сформировались богатые традиции древлеправославия. Этот пример показывает, что рафинированные культурные волны катятся не только с запада на восток, но и в обратном направлении.

Разделы Речи Посполитой возвратили под власть русских царей сотни тысяч старообрядцев, т. е. значительную часть ее бывших поданных и их потомков. Мало того, истории было угодно переплести «польский вопрос» с такой старой и хронически болезненной проблемой внутренней политики России как «раскол» или старообрядчество. В истории русско-польско-литовских отношений 1863–1865 гг. занимают одно из самых видных мест. Это центральная эпоха русско-польского столкновения, время кульминационного развития и перелома этих отношений. Это были годы настоящей и кровавой истории, когда на историческую арену вышли как патриотически настроенная часть польского и литовского общества и внушительная фигура М. Муравьева, так и почти все слои общества Литвы или так называемого Северо-западного края, неисключая и меньшинств, в частности старообрядцев. Новое польско-литовское восстание побудило правительство по-иному взглянуть на старообрядцев на западных окраинах страны.

«Польский вопрос» в его конфессиональной интерпретации и старообрядцы Литвы во время правления краем генерал-губернатора М. Муравьева – интересная и малоизученная тема. Данная статья представляет собой общий обзор политики властей в отношении старообрядцев в России в 1825–1865 гг. и попытку выяснить причины особого отношения местных властей к старообрядцам в Литве в 1863–1865 гг. Кроме того, делается попытка выявить отношение русских старообрядцев к царским властям в этот период. При этом надо подчеркнуть, что взгляды старообрядцев разных направлений Литвы, как и других регионов, на власть расходились и зависели от религиозной трактовки этого вопроса. Это затрудняет какие-либо обобщения не только в отношении всего староверия, но даже в отношении разных его направлений (поповцы и беспоповцы). Речь в статье пойдет главным образом о

старообрядцах-беспоповцах в Литве – федосеевцах и поморцах (новопоморцах), составляющих, видимо, большинство старообрядцев в так называемом Северо-Западном крае.

Краткий обзор мер государства против старообрядцев в России: 1825–1865 гг. При Николае I, после относительно веротерпимых царствований двух его предшественников, для старообрядцев наступили трудные времена. Их общины стали считаться незаконными. Старообрядческие духовные центры на Преображенском и Рогожском кладбищах в Москве и др. были поставлены под строгий надзор. Религиозная жизнь староверов была также регламентирована. Согласно указу 1826 г., их богослужения должны были совершаться строго внутри помещений, т.е. в часовнях, и без участия посторонних. Староверческие таинства не признавались, их венчания рассматривались как недействительные. В 1830-х–первой половине 1850-е гг. были запечатаны сотни молитвенных домов, сотни разрушены, а некоторые из них переданы Православной Церкви, много церковных колоколов было конфисковано. Так лишь в Ковенской и Виленской губерниях тогда было закрыто не менее 13 из 33 действующих старообрядческих храмов, из них восемь разрушены. Были арестованы, взяты под стражу и позже насильственно отправлены в свои места приписки известные духовные отцы¹. *Дегуцкий летописец*, известный памятник культуры старообрядцев Литвы, такую политику властей назвал войной против староверцев². Это явно противоречит утверждениям о том, что политика в царствование Николая I в западных губерниях существенно отличалась от жестоких гонений на старообрядцев в Прибалтийских губерниях и Заволжье, высказанного некоторыми современниками и историками в наши дни³.

Всеми методами, не исключая силовых, стал форсироваться переход старообрядцев в единоверие и православие. Власти систематически уничтожали главные духовные и административные центры старо-

¹ Об этом подробнее см. G.Potašenko, *Iš sentikių Lietuvoje istorijos (1795–1915 m.). Diplominis darbas*. Vilnius, Vilniaus universitetas, 1993, I sk. (Mašinėraštis); G.Potašenko, *Sentikai ir Lietuva, Liaudies kultūra*, 1993, Nr. 6, 21–26; 1994, Nr.1, 35–37.

² Хронограф, сиречь Летописец Курляндско-литовской. Подготовка текста, вступительная статья и именной указатель Маркелова Г. В., in: В.П.Бударягин и др. (ред.), *Древлехранилище Пушкинского Дома. Материалы и исследования*. Ленинград, 1990, с. 245.

³ Об этом см. Л.Горизонтов, *Раскольнический клин. Польский вопрос и старообрядцы в имперской политике*, in: *Славянский альманах*, 1997, Москва, 1998, с. 148.

обрядцев России. В декабре 1851 г. важный религиозный центр старообрядцев в Литве – Дегуцкая община в Ковенской губернии – был окончательно ликвидирован, передав православным ранее запечатанный старообрядческий храм. В 1854 г. власти без церемонии отобрали у старообрядцев-поповцев Никольский храм на Рогожском кладбище, а у федосеевцев – Успенскую соборную часовню на мужской половине на Преображенском кладбище в Москве, и передали их единоверцам.

Насельники старообрядческих скитов были зарегистрированы, а в 1853 г. министр внутренних дел получил указание начать закрытие скитов. Так в 1854–1855 гг. был закрыт важный духовный и культурный центр старообрядцев-беспоповцев России – знаменитая Выговская пустынь в Поморье. Царские власти приказали зарегистрировать всех старообрядцев в империи. Целью репрессий было не только замораживание численности «раскольников», но полное уничтожение раскола, т.е. инакомыслия в православии⁴. Власти полагали, что можно будет повторить опыт присоединения униатов к православию. Не получилось...

В юбилейном отчете министра внутренних дел к 25-летию царствования Николая I говорилось, что в 1825 г. число староверов составляло 826 тысяч, а в 1850 г. – 750 тысяч. Много староверов было обращено в православие. Однако сам же министр вынужден был признать, что в действительности число староверов составляло 10 млн. человек (по другим сведениям – 12 млн.⁵). Это побудило создать особый комитет, и от Министерства внутренних дел потребовали даже еще более строгих мер. Однако в законодательстве конца николаевского царствования различимы определенные следы колебания курса. Как можно и далее ставить вне закона шестую (или по другим данным – десятую) часть населения? Дискуссия в высших слоях бюрократии не помешала тому, что новое издание Свода законов в 1857 г. сохранило все законы, преследовавшие старообрядцев, которые оставались в силе затем до 1904–1906 гг.

Смена монархов, таким образом, отнюдь не предвещала решительного поворота в отношении к старообрядчеству в России. Однако

⁴ О комитете И. Бибикова 1853 г.: Н.Варадинов, *История Министерства внутренних дел*, т. 8, доп.: История распоряжений по расколу, Санкт-Петербург, 1863, с. 626–630; И.К.Смолич, *История Русской церкви, 1700–1917*, ч. 2, Москва, 1996, с.147.

⁵ Об этом см. О.П.Ершова, Роль Министерства внутренних дел в формировании политики в отношении старообрядчества в середине XIX в., *Старообрядчество: История, культура, современность*, выпуск 4, Москва, 1995, с. 16.

при министре внутренних дел графе Ланском (1855–1861 гг.) наступило постепенное смягчение правительственной политики, растянувшееся на 50 лет. Было предписано прекратить преследования старообрядцев за их веру, но и запрещать им пропаганду своего вероучения. Государственным учреждениям было указано предоставить борьбу с расколом Православной церкви. Но одновременно препятствовать созданию молитвенных домов и скитов.

Несмотря на ограничения, «Наставление» Ланского принесло староверам некоторое облегчение, чему способствовало влияние на правительство общественного мнения 1860-х гг. (историк А. Щапов, публицист М. Катков, В. Кельсиев и А. Герцен в эмиграции и др.). Возобновились дискуссии о старообрядцах в высших бюрократических кругах, подключились также академические слои, русское и отчасти польское (августовский губернатор Б. Тыкель) общество. При Александре II, по мере либерализации режима и проведения реформ, в повестку дня встал вопрос об эманципации русских староверов. Разгорелся спор о том, должно ли равноправие староверов послужить целям их интеграции и искоренения инакомыслия в официальном православии, или, напротив, их переход в единоверие или православие должен предшествовать установлению их равноправия с другими подданными.

Кроме того, новое польско-литовское восстание побудило правительство и читающее общество по-иному взглянуть на старообрядцев на западных окраинах страны и даже более того – в масштабах всей империи. Начались политизированные дискуссии о том, должно ли правительство делать уступки старообрядцам в Северо-Западном крае и Царстве Польском и использовать их в деле нейтрализации «польского элемента». В этой связи возник и такой важный вопрос внутренней политики Российской империи как предоставление староверам религиозной свободы, явно затрагивающий прерогативы господствующей Церкви.

В первой половине 1860-х гг. видим постепенное смягчение правительственной политики, поэтапную эманципацию, растянувшуюся на десятилетия, но не полное устранение дискриминации русских староверов, связанное с предоставлением им религиозной свободы. Отдельные частные постановления 1862–1864 гг. позволили старообрядцам вступать в купеческие гильдии (С 1 января 1855 г. они были лишены права записи в купечество; этим был нанесен удар по наиболее состоятельной части старообрядчества, имевший целью лишить его своих

благодетелей). Утвержденная императором докладная записка основанного Комитета по делам раскола в 1864 г. предусматривала расширение их гражданских прав.

В западной части империи, охваченной новым восстанием, власти пошли на такие дополнительные уступки старообрядцам, направленные прежде всего на улучшение их социального положения, как продление старообрядцам-арендаторам срока аренды земли (указ М. Муравьева от 17 июня 1863 г.), предоставление некоторых льгот землепользования и пр. Кроме того, в начале 1860-х гг. – имеется ввиду разрешение Валуева перейти 4 тысячам православным, бывшим кантонистам старообрядцам, Динабургского уезда в свою старую веру, – и в период правления Северо-Западным краем М. Муравьева видим некоторые практические шаги, позволяющие говорить о некоторых предпосылках формирования иной – более гибкой и прагматической – традиции в отношении властей к старообрядцам.

Зигзаги конфессиональной политики местных властей в Северо-западном крае: 1863–1865 гг. Однако в 1863–1865 гг. и позже, в ближайшие два десятилетия, существенного поворота курса конфессиональной политики в отношении староверов в крае, как и во всей империи, не произошло. Частные уступки властей в первой половине 1860-х гг. оказались лишь эпизодом истории. Были лишь колебания, «демагогическое» заигрывание (Б. Г. Литвак) или легкий «флирт» с русскими староверами со стороны Александра II и администрации Северо-Западного края, воплотившиеся в зигзаги при осуществлении этой политики и выборе конкретных мер местной администрацией в начале периода великих реформ и в исключительных условиях вооруженного противостояния между правительственными войсками и польско-литовскими повстанцами.

Надо подчеркнуть, что зигзаги конфессиональной политики касались прежде всего ее осуществления и применения конкретных мер местной администрацией, а не законодательства о старообрядчестве, о котором не могло быть и речи в обстановке не угасшего восстания.

Призвание М. Муравьева (пробыл с мая 1863 до мая 1865 гг.) на должность главного начальника Северо-Западного края в апреле 1863 г. пришлось на тот момент, когда Петербург пытался постичь суть событий в окрестностях Динабурга. В столице говорили не только об ан-

типравительственном выступлении польской шляхты, но и о бунте местных староверов против дворян, грозящем повторить «галицийскую резню» 1846 г. Как и министр государственных имуществ А. Зеленин, Муравьев решительно высказался в пользу первой версии. Позже он в своих воспоминаниях писал, что старообрядцы в тот момент заменили собой правительственные войска и не дали «мятежу» распространиться⁶. Благоклонен к староверам Муравьев остался и по приезде в Вильно, приветствуя их как оплот русской цивилизации среди «всесильного влияния полонизма».

Однако, несмотря на горячее желание, во время своего двухлетнего пребывания на посту главного начальника края Муравьев успел лишь наметить основные положения плана русской колонизации края (крупные конфискованные имения повстанцев передать для водворения русских дворян; оставшиеся свободные земли из этого фонда предоставить русским крестьянам, но главный земельный резерв крестьянской и отставных чинов колонизации должен был быть предоставлен из фонда государственных земель, т.е., из фонда Министерства государственных имуществ). И позже конкретный план колонизации не был выработан. Этого не произошло, потому что, как заметил Станкевич, на первом месте стояло «огромное дело устройства крестьян», создание же русских колоний составило его придаток, а не самостоятельную государственную задачу, к выполнению которой власть к тому же не имела ни опыта, ни подготовки⁷.

Таким образом, в период восстания допускалась правительственная поддержка переселению местных старообрядцев в крае, но сам вопрос о русской колонизации края был второстепенным делом, а старообрядцы в нем играли далеко не главную роль, уступая по своей значимости, в глазах властей, русским дворянам, православным и отставным чинам. Другое дело, что они составляли значительную часть русского населения края и были одними из первых просителей и действительно нуждались в помощи как арендаторы земли, которых нередко притесняли и даже сгоняли с земли помещики. Муравьев пошел им на встречу и 17 июня 1863 г. издал указ, временно (как оказалось до 1876 г.) предоставлявший арендаторам старообрядцам возможность пользоваться арендуемыми ими участками и даже в тех случаях, когда сроки

⁶ М.Н.Муравьев, Записки о мятеже в Северо-Западном крае, 1863 г., *Русская старина*, 1882, № 36, с. 391–392.

⁷ А.Станкевич, *Очерк возникновения русских поселений на Литве*, Вильна, 1909, с. 22–23.

контрактов кончились⁸. Кроме того, в 1863–1864 гг. он, совместно с Ковенским губернатором Н. М. Муравьевым и управляющим Ковенской Палатой Государственных имуществ Энгельмейером, положил начало новых русских поселений. Более чем шесть сот старообрядческих семей Виленской и Ковенской губернии получили земли выселенной шляхты; им было выдан хлеб, небольшие денежные пособия и пр.

Доброжелательность к староверам и задача подавления польского восстания, опираясь на крестьянское сословие и другие верные империи группы населения в крае, включая русских староверов, не была сопряжена, с точки зрения властей, с вопросом о свободе религии для «раскольников». Сами староверы и леворадикальные, либеральные и даже некоторые консервативные слои общества ставили этот вопрос перед властями, но правительство не дало конкретных обязательств, хотя высшие слои бюрократии обсуждали возможность нового политического подхода к староверам⁹. С этой болезненной и нерешенной внутренней проблемой России столкнулся в Северо-западном крае и его главный начальник.

Военные баталии не успели еще утихнуть в крае, как в январе 1864 г. наставник Перелазкой общины (ныне Йонавский район) Мартиниан Тихомиров подал прошение на имя Ковенского губернатора С. Панютина разрешить им починить старообрядческий храм, на что местный владделец граф Коссаковский обещал отпустить строительный материал и пр. 8 февраля 1864 г. отвечая на запрос Панютина, из канцелярии главного начальника Северо-западного края конфиденциально писали:

... Принимая во внимание, что при настоящем положении края не возможно, особенных неудобств, применять к живущим здесь старообрядцам, – единственному (!) вполне преданному правительству населению, – во всей строгости существующие о них правила, я разрешаю Вам не препятствовать Тихомирову в починке часовни в деревне Перелазах с тем, чтобы разрешению этому не дано было никакой огласки...

Согласно букве закона, это было противозаконно, – правда, закон 1858 г. разрешал починку храмов, построенных до 1826 г. Однако отказ

⁸ Там же, с. 15.

⁹ Мнение Ф. Берга: Д.Г. Анучин, Граф Федор Федорович Берг, наместник в Царстве Польском (1863–1874), *Русская старина*, 1893, № 3, с. 569; взгляд Н. Милюткина: *Русская старина*, 1884, № 6, с. 593; об этом также см. Л.Горизонтов, *Раскобнический клин..*, с. 153–155.

как-то не очень согласовывался с вдруг возникшим доброжелательным отношением к староверам самого Муравьева и многих русских чиновников в целом, общим подъемом национально-патриотических чувств в русской среде и, что более важно, прагматической задачей опереться на лояльные слои населения перед реальной опасностью отторжения края от Российской империи. Кроме того, важную роль играли политические соображения о будущем Северо-Западного края и планах русской колонизации, не отстраняя и старообрядцев, ибо они, как полагал генерал, более других сохраняют русскую народность.

Муравьев молчаливо согласился, вернее не препятствовал ремонту молельни в Перелозах. Староверы почти поверили, что настал долгожданный час религиозной свободы для них. Это негласное разрешение Ковенских властей, с ведома главного начальника края, видимо, ободрило староверов. В 1864–1865 гг. староверы поповцы и беспоповцы всех шести губерний Северо-Западного края, от имени тысяч своих одноверцев, подали десятки прощений разрешить им построить или отремонтировать храмы, открыть монастыри и богодельни, вернуть ранее отнятую чиновниками церковную утварь и даже старообрядческие школы¹⁰. Это оказалось очень неожиданно и неприемлемо как местным властям, так администрации генерал-губернатора.

Однако в дальнейшем местные власти на подобные прощения староверов отвечали молчанием или отказом. Мало того, в сентябре 1864 г. представителям старообрядцев города Режица, повторно обратившимся с своей просьбой, было строго указано, чтобы они «не осмелились впредь являться с подобными противозаконными просьбами»¹¹.

В последний год управления краем М. Муравьевым отношение к староверам стало более строгим. В январе 1865 г. из канцелярии Виленского генерал-губернатора последовало предложение Витебскому губернатору не только отказывать строить храмы, но и закрывать самопроизвольно открытые старообрядческие молельни¹². Об этом было сообщено также министру внутренних дел и обер-прокурору Синода, обративших особое внимание на усиление в крае старообрядчества во время восстания по поступлению от туда жалоб православных..

¹⁰ LVIA, f. 378, BS 1864, b. 248; также см. G.Potašenko, *Iš sentikių Lietuvoje istorijos... II sk.* (Mašinraštis).

¹¹ LVIA, f. 378, BS 1864, b. 248, l. 261.

¹² Там же, l. 263.

Как свидетельствуют архивные документы, в 1859–1864 гг., несмотря на запреты, старообрядцы на территории нынешней Литвы, Латвии и Белоруссии построили, отремонтировали или обновили десятки своих молельнь. В 1865–1866 гг. к властям и дальше поступали их прошения об открытии новых или распечатании бывших храмов. Так в мае 1865 г. старообрядческий наставник из деревни Перелазы повторно получил словесное разрешение на починку пока еще не отремонтированного храма¹³. Однако в том же мае 1865 г., особенно позже, в период правления Виленского генерал-губернатора Кауфмана, местные власти перешли от тихого разрешения ремонтировать храмы к запретам, запечатанию вновь построенных храмов, арестам старообрядцев и заключению в тюрьмы их активистов.

Мало того, через год после восстания, доброжелательность сменилась настороженностью, быстро росло напряжение между властями и староверами, фактически превратившееся в эпизодические репрессии против староверов в Северо-Западном крае. Поводом к тому послужило сопротивление староверов в Динабургском уезде Витебской губернии в мае 1865 г. закрытию их храмов. Власти ответили на это экзекуцией, когда в деревни, в которых предполагалось закрыть молельни, были введены войска, а женщин, несогласных добровольно выйти из молельни, казаки, по словам губернатора Веревкина, выводили или аккуратно выносили на руках. 14 мая 1865 г. в Динабургском уезде было запечатано пять храмов.

Новый генерал-губернатор Северо-Западного края иначе относился к староверам. Если М. Муравьев все же брался защищать староверов от мятежников, во время восстания пошел на уступки им и разрешил ремонт храма в Перелазях, но после усмирения восстания начал проводить более жесткую линию, то для Кауфмана старообрядчество было «предметом особой важности» не только для здешнего края, но и для всей России; он выставлял старообрядцев как возмутителей общественного порядка и теперь, на взгляд властей и по внушению архиепископа Евсевия, уже православных приходилось защищать от миссионерской деятельности раскольников. Кауфман стал применять строгие антистарообрядческие законы России. Для него бывшие политические беспорядки были препятствием местным властям неослабно следить за действиями староверов. В то время как для Муравьева это было одним из главных условий его ослабления контроля (отчасти неизбежного из-

¹³ Там же, I, 219–219v.

за военных действий в крае) над ними и даже, несмотря на непоследовательность и противоречивость его мер, попыткой перейти к некоторым уступкам.

Таким образом, в социальной области политика властей была основана на компромиссах, незначительных уступках, она способствовала мобилизации русских староверов: постепенно набирал силу процесс формирования русской старообрядческой элиты из крестьян, представителей свободных профессий и узкого слоя богатых купцов и предпринимателей. В Северо-западном крае староверы оказались в несколько более выгодном социальном положении, нежели их одноверцы в других местах России. Это объясняется тем, что власти стремились использовать староверов, как и православных, в направленных на интеграцию и языковую-культурную руссификацию края мерах, к чему, видимо, побудили российское правительство политические мотивы. Староверам отводилась второстепенная или третьестепенная роль в этих планах, потому что они принадлежали к «расколу».

Итак, несмотря на ослабления ограничений в период управления краем М. Муравьевым, российская конфессиональная политика в отношении старообрядцев в середине 1860-х гг. вновь стала явно дискриминационной и даже репрессивной. Переход в старообрядчество более 4 тысяч православных в Динабургском уезде и упорное их сопротивление закрытию храмов были поводами к репрессиям и массовому закрытию старообрядческих молельных домов в крае. В 1864–1865 гг. власти в Северо-Западном крае закрыли десятки старообрядческих храмов, незаконно построенных, согласно законодательству того времени, в последние пять–восемь лет; они не давали разрешений на починку старых или обновление существующих храмов, открытие старообрядческих школ и богоделен. Уже в первой половине 1864 г. М. Муравьев перестал доброжелательно относиться к просьбам староверов разрешить им открыть храмы, но только антистарообрядческая кампания в мае 1865 г. определила возврат к открыто дискриминационной российской конфессиональной политике в отношении староверов Северо-Западного края и империи в целом¹⁴.

¹⁴ О строгих мерах против старообрядцев в период правления Александра II в других регионах России – в Москве, Сибири, на Дону, в Бессарабии и пр., см. Ф.Е. Мельников, *Краткая история Древлеправославной (Старообрядческой) церкви*, Барнаул, 1999, с. 259–271.

Хотя существенных изменений положения старообрядцев России тогда не произошло, общественное мнение о староверах постепенно менялось. Оно стало отличаться большей терпимостью, даже доброжелательностью, – однако гораздо чаще староверов терпели, но не приветствовали. Ближайшие практические результаты общественных дебатов были скромны и неоднозначны, если не сказать более – в условия самодержавия относительно ничтожны – вместо свободы религии и гражданского равноправия положение пасынков и дискриминируемого меньшинства.

Однако существует и еще один аспект этой проблемы. Я уже говорил о неравномерности социальной политики в отношении староверов в Северо-Западном крае и остальной России. Эта неравномерность в степени интенсивности уступок, связанных с постепенной эманципацией русских староверов, проливает свет на цели российской политики. Политические интересы и демонстрация лояльности староверов императору в 1863 г. способствовали тому, что власти в лице императора и генерал-губернатора М. Муравьева, как и наместника Царства Польского Ф. Берга, руководителя комитета по делам Царства Польского Д. Милютина, доброжелательнее стали относиться к староверам как верноподданным и русским людям. Кроме того, имея большие административные полномочия, эти высшие чиновники не только не запрещали, но порой и покровительствовали староверам, т. е. допускали возможность строительства или ремонта ими своих храмов. Это фактически означало первые шаги, направленные на признания религиозной свободы для староверов в России на уровне губернского аппарата.

Вспоминая прием в Белом зале Зимнего дворца, на котором Александр II назвал староверов своими детьми и верноподданными «близкими моему сердцу»¹⁵, в своем дневнике министр внутренних дел Петр Валуев писал:

«Прием раскольников, поповцев и беспоповцев есть политическое событие. Сила вещей взяла свое. Сделав этот шаг, трудно будет не сделать других»¹⁶.

Однако других ожидаемых и смелых шагов в этом направлении тогда не последовало. Итак, в государственной политике в отношении

¹⁵ *Русское православие: вехи истории*, науч. ред. А.И. Клибанов, Москва, 1989, с. 370.

¹⁶ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел, т. 1, Москва, 1961, с. 219.

старообрядцев, как и в деле подготовке несостоявшейся реформы управления и более удачной крестьянской реформы, Литва и Польша фактически стала полигоном испытания новых либеральных реформ. Однако это осталось кратким эпизодом истории 1863–1865 гг. и скорее отразило мнение небольшой части высшего чиновничества империи, а не взгляды императора, правящей верхушки и, конечно, не подход Синода или официальной Церкви в целом.

В этом различии между староверами Литвы и остальной части империи нашли свое отражение также интересы и установки России на то, чтобы сильнее интегрировать те народы и группы населения в крае, которые культурном и религиозном отношении были ближе к русским, чем поляки-католики, которые должны быть поставлены под контроль репрессивной руссификаторской системы управления. Видимо, для реалистов в политике, каким на наш взгляд был М. Муравьев, было проще преодолевать основную доминанту в конфессиональной политики (негативную и идеологизированную установку) к староверам как врагам Церкви и даже государства. Услышав о первых эпизодах борьбы староверов с повстанцами и их преданность престолу, М. Муравьев один из первых чиновников такого ранга в Северо-Западном крае и, видимо, в России, хотя до него подобным образом высказывался и Иосиф Семашко, обратил внимание на староверов как русских по языку, образу жизни и внешности. Он заложил основу новой политической программы интеграции Литвы и сделал староверов субъектом политики руссификации.

Отношение старообрядцев к политике властей в 1863–1865 гг.

Отвечая на вопрос о том, как относились русские старообрядцы к изменчивой политике властей в этот период, я хотел бы выделить несколько основных моментов.

1. В период восстания и первый год после него в России была сформулирована модернистская своей риторикой, но архаичная своей логикой программа, стремившаяся навязать «имперский патриотизм» большинству по разному настроенных – благосклонно, нейтрально, негативно или враждебно – в его отношении жителей нескольких народностей в Северо-западном крае. Надо подчеркнуть, что Северо-Западный край был в то время лабораторией различных траекторий модернизации края и империи в целом. В старообрядческой среде также усиливались национальные чувства, все более распространялась идео-

логия самодержавия и отчасти имперский патриотизм (вернее специфическая и мифологическая форма государственной идеология, так как для старообрядцев место православия в знаменитой триаде – самодержавие, православие, народность – занимало старообрядчество; власти конечно не могли бы согласиться с такой ее трактовкой). Это с особенно ярко отразилось во время восстания 1863–1864 гг., когда сотням староверов Ковенской, Виленской, Августавской, Московской и других губерний впервые было разрешено публично и во всеуслышание объявить свою преданность царю и престолу.

2. Парадоксально, но сохранение староверами своей религиозной принадлежности в 1863–1865 гг. переплеталось с хвалой Романовых, более двух столетий продолжающих их преследование. Демонстрация лояльности староверов российскому императору и государству было обусловлено несколькими причинами: мифом о царе освободителе, от которого они в частности ожидали свободы религии; крестьянским монархизмом, присущим русскому обществу и в XIX в.; надеждой найти в лице российских властей заступника, решая острый социальный конфликт между крестьянами и помещиками в крае в итоге крестьянской реформы, в условиях восстания 1863–1864 гг. принявшего к тому же черты национальной вражды. Печальным примером этого противостояния стали события в окрестности Ибяны в 1863 г., когда повстанцы за поддержку местными жителями царских властей повесили 11 русских староверов, а в ответ на это М. Муравьев приказал сжечь эту окрестность, сослать ее хозяев и конфисковать эти земли, предоставив их семьям пострадавших и другим в окрестностях живущим староверам. Интересно отметить характер ранней колонизации края: встретив нежелание местных староверов переселяться на опустошенные земли имения польских дворян, власти не отказались от мысли отблаготельствовать их и силой загоняли на эти конфискованные и переданные им под поселение земли.

Наконец, надо учитывать и такую причину демонстративной лояльности староверов как их прагматическое стремление таким образом изменить погубную для них политику истребления, живую память о которой они сохраняли со времен правления отца Александра II. Жесткая политика властей во время правления Николая I была основана на убеждении об якобы потенциальной опасности староверов не только для господствующей Церкви, но и государства, так как часть староверов не произносила молитв за царя.

Заметим, что часть староверов, прежде всего руководители их духовных центров, представители мещан и купечества, умело использовали такие важные исторические события России как восстание 1863 г. и покушение на царя в 1866 г. для демонстрации своей лояльности. Это явно выразилось в прощении Поневежских староверов мещан в июне 1866 г., отчаянно и мужественно стремившихся добиться своего. Они напоминали фон Кауфману о том, что последние кровавые события показали, что они всегда русские и много их пали жертвами тех событий; что они «не раскольники и не вредной секты». Далее они выдвигали свои пожелания:

На всем пространствепочти необъятной Российской державы все верно-подданные нашего Всеавгустейшего Государя пользуются совершенной свободой все вероисповедания, мы только лишены той радости иметь свою моленную, где могли бы приносить молитвы за нашего Царя освободителя¹⁷.

Утверждение о полной свободе религии всех подданных, кроме староверов, в самодержавной России было, конечно, иллюзией. Однако вера в Александра II, или забывшего дать религиозную свободу староверам, отражает миф о царе освободителе среди части старообрядцев.

3. Краткая история взаимоотношений между староверами и российскими властями в 1863–1865 гг. состояла из мирных, доброжелательных контактов, открытой демонстрации патриотических и проимперских настроений, а также сложных, напряженных моментов и даже столкновений в 1865 г. с применением военной силы со стороны властей против старообрядцев в Северо-Западном крае. Надежды многих староверов на свободу вероисповедания в начале 1860-х гг не сбылись. В этой части староверов росло непонимание и разочарование возобновившимися дискриминационными мерами российских властей. Одни из них по возможности сопротивлялись, другие – приходили в уныние и даже отчаяние.

Позже, с конца 1860-х гг., тяжелое религиозное и душевное состояние русских староверов в крае способствовало переходу, правда, весьма незначительной их части, и, видимо, менее твердой в своих убеждениях, в единоверие или православие. Непоследнюю роль в этом сыграла выгодная моральная, материальная поддержка переходящим из старообрядчества в единоверие или православие и даже принудительные меры господствующей Церкви и государства против староверов.

¹⁷ LVIA, f. 378, BS 1864, b. 248, l. 287.

Однако была и другая группа старообрядцев в Литве, которая более спокойно и осторожно относилась к царским властям и, видимо, если открыто не сочувствовала повстанцам, то во всяком случае с пониманием относилась к стремлению поляков и литовцев в свободе. Для них лозунг, провозглашенный во время восстания 1863–1864 гг., – «За нашу и вашу свободу!» – звучал вполне актуально, хотя и был насыщен прежде всего религиозным, а не политическим, содержанием. Позже, через более чем 70 лет, в годы независимой Литвы члены Совета Милонского старообрядческого прихода (Рокишкского района), вспоминая историю своего прихода, писали в Центральный Старообрядческий Совет:

... Существует приход и строение Молитвенного Храма до 1860 года ... В 1861 году был Храм закрытый Русской властью. Во время восстания против русских властей за свободу повстанцами был храм открыт, и было приказано молиться Богу за свободу. И прошло время до 1863 года. В этом году русским урядником обратно был Храм закрыт в течение год[а] или два [двух лет]. После был обратно открыт и до сего времени [существует]. Во время преследования за старую веру русскою властью, в это горько плачевное время, Бог послал иноверца Римско-католической веры, имени Ракишек Графа Пшедздецкого управляющего именем Плавского, каковой устроил крепкий фонд с 1865 г., [186]6, [186]7, [186]8 года. В течение этих лет управляющий Плавский оставил [отставил, т. е. отстроил] наш Милонской старообр[ский] Приход, и наш Молитвенный Храм и по ныне существует¹⁸.*

Как изменилось восприятие восстания 1863–1864 гг. в глазах большинства русских староверов Литвы 1860-х гг. и 1930-х гг.: от крамолы и мятежа до борьбы за свободу Польши и Литвы. Идею объяснение такого казалось бы явно противоречивого подхода старообрядцев к государственной власти в том, что здесь видим религиозно-мистическую трактовку роли светских властей в истории, в которой, согласно христианской точке зрения, действует Божий промысел. Это не позволяет полностью отождествлять не только свою веру и «свою власть», но и веру с формой правления или каким-либо определенным государством. Надо заметить, что в случае староверов, их вера и власть в Российской империи XIX в. в лице манорха как главы Православной церкви реально не совпадали.

¹⁸ LVA, f. 1215, ap. 1, b. 72, l. 16. Благодарю студентку Вильнюсского университета А. Пошкевичене за предоставленные сведения о хранящихся в этом архиве материалах по истории Милонского старообрядческого прихода.

Кроме того, не известно молились ли тогда староверы в деревне Милонцы «за свободу», т. е. за временные власти возникающей из пепла Речи Посполитой, а точнее за победу польско-литовских повстанцев в войне против Российской империи. Однако в середине XIX в. для них это было затруднительно (как почитать власть вседержущую в молитвах?) или невозможно, прежде всего для федосеевцев, не признающих молитв за царя (и властей в целом).

Таким образом, в 1863–1864 гг. временные власти повстанцев разрешали открывать старообрядческие храмы и даже приказывали в них молиться за свободу Речи Посполитой. После подавления восстания, сотрудничество между литовскими дворянами и староверами продолжалось. Иногда местные дворяне католики приходили на помощь преследуемым русским староверам в Литве, они способствовали или помогали строить им храмы.

4. Говоря о традициях лояльности, вооруженного или ненасильственного сопротивления и мирного сосуществования, надо подчеркнуть, что эти идеи присущи всем формам политической и общественной деятельности. Лишь изредка они точно совпадают с взглядами отдельных политиков, декларируемыми программами партий или канонической позицией религиозных общин. Не составляет исключения здесь и старообрядческая община Литвы. Однако в условия преследования староверов в Российской империи эти идеи, по разному переплетены, более или менее выявлялись в мышлении любого человека.

Когда после реформ патриарха Никона в середине XVII в. царские власти начали жестоко преследовать староверов, монахи знаменитого Соловецкого монастыря восемь лет с оружием в руках сопротивлялись русским войскам. В первой половине XVIII в. казаки-старообрядцы во главе с атаманом Есауловского городка Игнатием Некрасовым покинули российские пределы после поражения крестьянской войны под предводительством Кондратия Булавина (1707–1710 гг.). Тогда несколько тысяч казаков с семьями и немало русских крестьян поселились в турецких владениях на Кубани и несколько десятилетий продолжали борьбу. Отсюда некрасовские отряды будоражили население Дона, а его лазутчики призывали не подчиняться никонианским попам и самому царю. К партизанским отрядам повстанцев в Польше и Литве в 1863–1864 гг. примкнули итальянские добровольцы (Гарибальди), французы, венгры, немцы, сербы и чехи, на стороне поляков и литви-

нов также боролись белорусы, украинцы и несколько сот русских солдат, офицеров и местных жителей, среди которых были староверы (вероятно, десятки)¹⁹. Однако несколько сот местных староверов (возможно, и больше) более или менее активно боролись против повстанцев как в стихийно возникших крестьянских группах, так в составе местной милиции или чаще в роли проводников отрядов огромной российской армии, введенной в Литву для усмирения «мятежа». Такая изменчивая судьба старообрядцев не имела ничего общего с какими-то драматическими переменами их коллективных взглядов, а зависела от очень разной политики в отношении старообрядцев при Алексее Михайловиче, Петре I и Александре II. Кроме того, позиция старообрядцев находилась в зависимости от важных изменений политической ситуации. Как всегда, логичной и последовательной кажется лишь история политической мысли, но какое чертовски сложное является прошлое реально существовавших мужчин и женщин, кружков и религиозных общин, вынужденных действовать в изменяющихся условиях.

MICHAILAS MURAVJOVAS, „LENKŲ KLAUSIMAS“ IR LIETUVOS
SENTIKIAI: KONFESINĖS POLITIKOS VINGIAI 1863–1865 m.

Grigorijus Potašenko

Santrauka

1863 m. paskyrus Vilniaus gubernatoriumi M. Muravjovą, Vakarų gubernijas jis pradėjo valdyti pagal karinį policinį režimą. Sentikių problema tame kontekste atrodė šiek tiek egzotiška. Jų padėtis buvo ypatinga, jie telkėsi ne vienoje vietoje, bet buvo pabirę salomis plačioje teritorijoje – tiek Lietuvoje, tiek Lenkijoje, Prūsijoje. Todėl sentikystė plėtojosi kaip atskiros bendrijos, kurios mažai paisė bažnytinių nutarimų ir valstybės įsakų.

Iki 1905 m. sentikystė buvo persekiojama mažuma, nors Jekaterinos II ir Aleksandro I laikais į sentikius buvo žiūrima tolerantiškai. Vis dėlto ir tuo metu jie Rusijoje neturėjo lygių teisių. Tik savo „antrojoje tėvynėje“ – Abiejų Tautų Respublikoje – steigė savo bažnytines organizacijas. Didžiausią įtaką jie darė Rusijos emigran-

¹⁹ Об этом см.: P. Łosowski, Z. Młynarski, *Rosjanie, białorusini i ukraincy w powstaniu styczniowym*, Wrocław, 1959, s. 161–162; C. Miłośz, *Lenkų literatūros istorija*, Vilnius, 1996, p. 311.

tams. Tai rodo, kad rafinuotos kultūrinės bangos ritasi ne tik iš vakarų į rytus, bet ir atvirkščiai.

„Lenkų klausimą“ Muravjovo politikai buvo paranku supinti su sentikyste. Šis klausimas istorijoje mažai tyrinėtas. Straipsnyje mėginama atskleisti rusų sentikių santykius su caro valdžia. Tačiau sentikiai Lietuvoje nebuvo vieningi: vieni palaikė caro valdžią, kiti – sukilėlius. Jie buvo susiskaidę į vadinamąsias fedosejevininkų ir bepopių sroves. Jomis sumaniai naudojosi M. Muravjovas, kovodamas prieš Katalikų Bažnyčią.

MIKHAIL MURAV'EV, "THE POLISH QUESTION" AND
THE OLD BELIEVERS IN LITHUANIA:
CONFESSIONAL POLITICAL TURNS IN 1863–1865

Grigorii Potashenko

Summary

After the appointment of Mikhail Murav'ev as the Governor of Vilnius in 1863, he began to rule the Western Provinces as a military police regime. In this context that problem of the Old Believers seemed somewhat exotic. Their situation was particular, they did not congregate in one place, but were scattered like islands in a wide territory in Lithuania, Poland, and Prussia. Thus the Old Believer faith spread as separate communities which paid little attention to church decisions or state decrees.

Until 1905 the Old Believer faith was persecuted as a minority even though in the times of Catherine II and Alexander I there was a tolerant view toward the Old Believers. Nevertheless, at that time they did not have equal rights in Russia. Only in their "Second Homeland" – the Republic of Poland and Lithuania did they establish their church organizations. They played the greatest influence on Russia's emigrants. This shows that refined cultural waves flow not only from West to East, but also in reverse.

It was convenient for Murav'ev's policies to link the "Polish problem" with the Old Believer faith. This question has received little historical investigation. The article attempts to reveal the relations of the Russian Old Believers with the czarist authorities. However, the Old Believers in Lithuania were not unified: some supported the rule of the czar, others – the rebels. They were divided into the so-called Fedoseyev and without priests currents Murav'ev cleverly took advantage of this in fighting against the Catholic Church.